

Бывают свадьбы, похожие на похороны.

Ранней весной парень из соседней деревни изнасиловал девушку, встреченную в пролеске у реки. Отец девушки отыскал обидчика на следующий день и устроил драку во дворе его дома. Но когда оказалось, что Маша беременна, родители обоих, встретившись и поразмыслив здраво, решили сыграть свадьбу — одни, чтобы избежать огласки, другие неиз-

вестно чего стыдясь и желая пристроить дочь.

Первый день гуляли у жениха. Собрались родственники, соседи, знакомые со всей деревни. Во дворе наспех вкопали в землю деревянные столбы, натянули брезент, поставили длинные скамейки, столы накрыли простынями вместо скатертей. Гостей рассаживали вплотную, так что тяжело было пошевелиться. Стояла жара, повсюду летали жадные мухи. Часто поднимались из-за стола, чтобы погулять и размяться, и тогда собирались на крыльце дома или на оставшихся от постройки гаража бетонных плитах, сваленных у ворот. Там заводили разговоры, шутки, сплетни. А дядька жениха, пожилой Кошир Кузьма, беззаботно рассказывал, как именно здесь валялись в грязи сам жених и отец невесты и до крови царапали друг другу лица об угол бетонной плиты.

Родственники невесты шепотом обсуждали, что хозяева не стали тратиться на водку, а кто-то даже видел, как на кухне тайком разливают по красивым бутылкам дешевую жидкость из пятилитровых канистр. С подозрением глядели на прибившихся к их краю стола нескольких башкир, родственников жениха по отцу: как бы те не выболтали лишнего, и торопливо переходили с русского на родной чувашский.

Было много случайных людей, которых не пускали во двор, но они все равно болтались рядом с воротами в ожидании нечаянной рюмки водки. Чуваш из соседней деревни Петьук Миккуль уныло выпрашивал свое у хозяйки, а потом до крика разругался с ней и ушел обиженный.

Приносили винегрет, свеклу с чесноком, а на горячее – картошку с курицей. Ели и пили с удовольствием. Туй араме, ведущий свадьбы, дал гостям наесться досыта прежде полагающихся по обычаю тостов и подарков.

Невеста сидела неподвижно. Она была в отчаянном забытии, ничего не слышала и не замечала. К человеку рядом она не поворачивалась, но чувствовала его движение, а иногда видела чужие руки.

Сегодняшнее утро растянулось в памяти на несколько дней. Ее должны были поднять с рассветом, но Маша проснулась раньше и долго смотрела в окно на небо, крыши домов, скрюченную яблоню в саду, побитую весенним морозом. В последние вечера они много разговаривали с мамой, та читала ей книги об отношениях в семье и о том, как нужно вести себя, чтобы быть счастливой. Мама много говорила о любви, а Маша плакала, обнимая ее. Но сегодня утром ей вдруг показалось, что она начинает чувствовать эту странную, угнетающую душу любовь. Маше хотелось, чтобы мама пришла сейчас и поговорила с ней, но вместо этого заскрипели половицы, и в комнату заглянула баба Варвара.

– Давай вставай! – окликнула она всегда сердитым голосом.

В доме только начали мелькать, суетиться, а они уже оделись, готовясь выйти на улицу. Были еще сестра Света и две тетушки, которые недовольно ворчали. Баба Варвара коротко объясняла про обычай. Маша ждала маму, но, занятая приготовлениями, та осталась дома и только мельком заглянула в прихожую. Маше было грустно, будто они виделись последний раз. И потом, когда уже шли по пустой деревенской улице, Маша все думала об этом. Впереди мутным пятном виднелся лес у реки. Стоял туман, пахло трухлявым деревом.

Наконец показалось кладбище. Спускались к нему по узкой тропинке, вьющейся от самой дороги. Долго возились с железной калиткой, двигались сквозь заросли овсяга, цеплявшегося за ноги. И вот тропинка привела их вниз, где все могилы были знакомы. Приминая мокрую непослушную траву ногами, медленно крошили хлеб за каждую ограду, приговаривая: «Деды, прадеды, благословите нашу свадьбу». Потом баба Варвара велела им стоять рядом, а сама принялась то ли колдовать, то ли молиться. Становилось холодно, но она не спешила, а потом затянула унылую поминальную песню.

Вернувшись с кладбища, Маша сидела в комнате и слипавшимися глазами смотрела на те же крыши домов и яблоню за окном. Ей смертельно хотелось спать, так что она едва чувствовала, как надевали на нее платье, поправляли складки, до боли скручивали волосы.

Когда приготовления закончились, она положила голову на стол перед собой, обхватив ее руками, и чуть было не заснула, но вдруг раздался грубый удар в ворота и беспорядочный смех, будто сто человек разом засмеялись и каждый хотел смеяться не так, как другие. Она испуганно вдохнула. Смех приближался, сначала он топтался у ворот, неловко звеня монетками, потом послышался на крыльце. Наконец ввалились в комнату, заполняя свободное место от двери до стола. Началась толкотня, сильно запахло потом.

Маша испуганно глядела по сторонам. Вокруг ожесточенно торговались, кричали, стучали по столу скалкой как молотком. Сестра Света все отвечала – мало, а за ней повторяли и все родственники. Пришедшие же горячились и нехотя выгребали оставшуюся мелочь. Дружок жениха, Антошка Кривой, вместо денег бросал поддельные купюры, его разоблачили и хотели силой вывернуть карманы. Родня вступилась за своего, завязалась ссора.

Сам жених стоял у дверей, Маша смотрела на него, не отводя глаз. Он держал в руках бутылку водки, не пригидившуюся на конкурсах во дворе, шутливо размахивая ею, будто добыл что-то ценное. Его лицо наполняло Машино сердце болью и непонятной ей самой добротой ко всему

миру. Но вот последний раз ударила скалка – продано. Продано, продано, зашептали вокруг.

Потом ее благословляли отец и мать, крошечный блик света бегал по иконе вверх-вниз, как живой, так что Маша заулыбалась сквозь слезы. Мать не выдержала и разрыдалась. «На кого же я тебя, доченька, оставляю», – причитала она, наклоняясь к девушке, неистово целуя в волосы. Баба Варвара недовольно одернула ее. Подошел жених, и тогда гости принялись бросать под ноги свежие полевые цветы...

– Горько, горько! – закричали отовсюду, и Маша опять оказалась за праздничным столом. Ее муж стоял перед ней. Она смотрела на него так, будто видела в первый раз. Ей казалось, что она уже любит его. Но тут он приблизился, прижал к себе и стал жадно целовать. Она захлебнулась от слез.

Окончив счет поцелуям, довольные гости уселись на места, а туй араме шутливо, но решительно принялся сгонять народ с крыльца обратно за стол. Гости шли нехотя и уже захмелевшими голосами ворчали, что он портит им гулянку, но в конце концов собрались, ожидая своей очереди поздравить молодых. Туй араме торжественно вызвал к себе двух башкир со стороны отца жениха и вручил им большую сумку – ардю, чтобы они собирали в нее деньги, положенные родственниками, а в конце пересчитали их. Из кухни понесли крошечные порции покупных пельменей и новые бутылки водки.

Первыми поздравляли родители жениха. Мать, Антонина Петровна, дородная женщина с толстыми складками на щеках, лихо подскочила с места и подняла полную рюмку водки. Отец, худой, жилистый башкир, Артур Кадимович, стоял рядом, держа за спиной маленький конверт с деньгами, и недоверчиво поглядывал по сторонам, будто опасаясь, что кто-то захочет украсть его прямо из-за спины. Родственники Маши увидели их первый раз во время сватовства. Они пришли тогда вместе с толпой человек в десять, несли выпивку, салаты, поднос с хлебом и солью, а сам жених беззаботно наигрывал на гармошке. Поднявшись на порог, Антонина Петровна настойчиво постучала в дверь. «Мы слышали, у вас телочка есть», – оглушительно запела она сватовскую песню. Остальные повторяли за ней, готовясь есть и пить досыта. Резким скрипом ответила им дверь. На пороге появилась баба Варвара, закрывая собой широкий проем и исподлобья оглядывая незваных гостей.

– У вас товар – у нас купец, – продолжала Антонина Петровна, постепенно теряясь от ее взгляда, – извольте ли продать, красную цену заплатим...

Она хотела было войти нахрапом, но баба Варвара не уступила и

решительно уперлась мозолистой ладонью ей в грудь.

– Входить не положено. Ждите, – выговорила она бесстрастно и с силой захлопнула дверь.

Когда же их все-таки пустили в дом, Антонина Петровна, несколько не смущенная, щедро наливала новым родственникам по рюмкам и пела на весь дом в хмельном веселье.

Отец жениха во время сватовства стоял в стороне и только считал пустые бутылки. Зато он больше всех осматривал подарки невесты, привезенные по обычаю в их дом за две недели до свадьбы: на ощупь проверял качество ткани, наизнанку выворачивал платья, чтобы увидеть, хорошо ли выполнен шов. Потом, удовлетворенный проверкой, позвал сына и объяснил, в какой шкаф сложить добро.

Поздравление их длилось недолго: говорила только мать, а отец деловито положил в ардю конверт с деньгами. Отовсюду закричали «горько», а родственники жениха с особым старанием захлопали, чтобы поддержать своих.

Встали родители невесты. Оба они были маленького роста, оба смотрели по сторонам настороженно. Сергей Викторович, отец Маши, показался родне жениха слишком чувствительным, у него в глазах стояли слезы. Это был человек с детскими чертами лица, но с первой проседью, говорил правильно и красиво, по-городскому, но иногда путался и вздыхал. «Люби своего мужа, деточка моя, и Бог пошлет тебе новую жизнь», – закончил он и отчаянно опустил голову.

Поговаривали, что он сильнее всех противился этой свадьбе. Когда родственники жениха пришли свататься, а баба Варвара, вернувшись в дом, рассказала всем о происходящем, он будто бы подскочил со стула и закричал: «Да что же это такое, как же с этим быть...».

Но в комнату к дочери он пошел первым. Девочка неподвижно лежала на кровати, и лишь глаза ее были живыми и испуганными. Он присел на краешек и боялся смотреть на нее. Ему хотелось закрыть ее от всего на свете и не тревожить ничем больше, но необходимость говорить заковала ему горло.

– Что же, доченька, это жизнь, – повторял он потом, лихорадочно теребя ее руку в своих ладонях. – Иногда в жизни бывает нужно пострадать и получить от Бога венец... Я не знаю, за что это тебе, но ты должна все вытерпеть...

– Пойми, милая, мы долго не сможем содержать тебя, – оказалась рядом и мать. Она то вытирала Машино лицо носовым платком, топравляла спутавшиеся волосы. – Отцу работу совсем не дают, меня пока держат в колхозе, но никто ведь ничего не обещает. А одна, с ребеночком,

как ты будешь жить после нас?

Маша растерянно глядела то на одного, то на другого и больше пугалась их слез, чем решения своей судьбы.

– Милые мои, дорогие, – начала мать невесты, обращаясь к молодым, хотя ее тихий монотонный голос показался гостям слишком грустным для свадебного поздравления, – вы теперь одна семья, и самое главное, вы должны жить в любви и согласии, заботиться и помогать друг другу. Не обижаться по пустякам, а если случилась ссора, сразу же прощать друг друга. Тогда и жизнь у вас сложится, и отношения в семье будут добрые и уважительные...

Татьяна Аркадьевна всеми силами старалась допустить меньше сплетен, обычных для свадьбы, где невеста уже беременна, и поддержать хорошие отношения с новыми родственниками. Перед свадьбой она, как положено, устроила в своем доме Большой сговор с родителями жениха, где договаривались о количестве гостей, угощениях, устройстве праздника. А когда ее муж вдруг встал из-за стола и быстро вышел из дома, она нарочно беззаботно махнула рукой и объяснила присутствующим на сговоре гостям, что у мужа проблемы на работе, потому что колхоз опять перестал платить зарплату, а ведь сейчас свадьбу играть, вот он и переживает. Родители и сам жених довольно закачали головами, а пришедший с родней Кашир Кузьма лукаво усмехнулся ее объяснениям.

Маша же с самого дня сватовства поняла, что наступает что-то неведомое и тяжелое для нее. В этом неведомом и тяжелом не было людей, а было будто грозное облако. Первые мысли о муже как о реальном человеке появились у нее только после Большого сговора, когда по обычаю мать жениха повесила у входа большой пастушеский кнут, который должен был висеть здесь до самой свадьбы. Когда сговор закончился, и в дом вернулся Сергей Викторович, он сначала в бешенстве пытался снять его, но баба Варвара не позволила, потому что на самом деле был такой обычай. Для Маши этот кнут был как живой, она украдкой разглядывала его, когда сидела за обеденным столом. У кнута была стертая ручка, напоминавшая Маше о лошадях и работе в поле. И когда на второй день Татьяна Аркадьевна все-таки уговорила свекровь убрать кнут, Маша все равно вспоминала о нем, когда думала о своем женихе...

Собрались было сделать перерыв на танцы и конкурсы, но тут без очереди влезли Антошка Кривой и Виктор Вдовцов. Они пробирались позади скамеек, не обращая внимания на недовольство сидевших гостей. «Подожди, подожди, мы сейчас», – заносчиво кричал ведущему Виктор, а Антошка изо всех сил расталкивал локтями мешавших.

– Мы пришли сюда поздравить нашего друга со свадьбой, – начал

Виктор, молодой парень с тонкими усиками и красивыми кудрями. – Надеюсь, что наша дружба сегодня не закончится, и мы сможем еще собираться, как в старые добрые времена.

Родственники жениха, не слушая, захопали ему, а Света, сестра невесты, покраснела оттого, что тот нахально рассматривал ее полуоткрытую грудь.

– Да и вообще, жена не должна стоять между мужем и друзьями! – подхватил Антошка Кривой.

Прозвище пришло к нему от отца, но лицо его на самом деле было сморщено сейчас от выпивки. Желая повеселить гостей, он отобрал у туй араме бутылку, из которой тот наливал каждому поздравлявшему, подхватил чужой стакан со стола и, наполнив, выпил, не отрываясь.

– О, Антошка начал, – раздалось со всех сторон насмешливые голоса, – смотрите, вам его еще до дома тащить...

Антошка недовольно огляделся вокруг и с достоинством вышел из-за стола. Туй араме объявил перерыв.

На свободное место между крыльцом и воротами вынесли две большие старые колонки и, не жалея, выкрутили ручки до упора. «Громче, громче», – слышались задорные крики. Музыка взбудоражила захмелевших гостей, так что они вскакивали со своих мест, толкались, спешили и высыпали на двор, чтобы танцевать изо всех сил. Старухи за столом, неодобрительно качая головами, прижимали слабые ладони к ушам. Веселье разгоралось, как пожар на соломе. Виктор подскочил к Свете и, грубо обнимая за талию, увлек за собой. Они врезались в круг танцующих, разбили его, чтобы закружиться в центре, привлекая всех своим пылом и красотой. Антошка Кривой беззаботно отплясывал рядом, не замечая, как насмешливо косятся из круга, а две девушки показывают на него пальцем, как на дурачка.

Маша съежилась, будто не желая, чтобы музыка вошла ей внутрь. Вдруг сильно потянули за ногу, она вскочила и увидела, что у нее украли туфлю. Рядом закричали, а дядьки с шумом пытались догнать вора. Все смешалось, и уже нельзя было понять, кто ловит, а кто убегает.

У Маши закружилась голова.

– Петя, – бессильно выговорила она, в отчаянии поворачиваясь к мужу, но тот не слышал и уже вылезал из-за стола, чтобы присоединиться к танцующим друзьям.

– Невесту, невесту-то возьми! – придержала его мать. – Всему тебя учить надо!

– Да, пойдём, – опомнился тот и схватил Машу за руку, но она не двигалась.

– Туфли нет, – объяснила удивленному мужу. Ей отчего-то было стыдно, будто именно она виновата, что не уследила.

– Так иди босиком! – не растерялась Антонина Петровна. – А сомневаешься, вот тебе, доченька, для согрева, – и налила полную рюмку водки.

Маша нерешительно пригубила. В глазах ее вспыхнуло, а в груди обожгло. И тогда она, хмельная, не от выпитого, а от собственного чувства, побежала в круг быстрее мужа, в страстном отчаянии заплясала, скидывая вверх свои тонкие руки...

Тем временем за столом начались обычные разговоры и сплетни.

– А жених-то наш беспутный дурачок, – приговаривала Марине Чермеш, – какой же из него муж получится... А ведь он ее силой взял!

– Это правда? – серьезно спрашивала Наталья Миттук. – Я тоже слышала об этих сплетнях, но им не верю.

– Да как же неправда, вся деревня об этом говорит, – настаивала Марине. – До вас, городских, новости-то не доходят, откуда вам знать! А бабка Степанида сама видела, как отец ее домой нес из леса, когда тот над ней надругался. У нее спросите, она вам все расскажет...

Наталья Миттук неодобрительно покачала головой, но возражать не стала, потому что действительно не могла знать всего.

Чуть поодаль оживленно беседовали мужья Марине и Натальи. Первый, Миккас Чермеш, был щупленький мужичок, несмелый на деле, но дерзкий на слова. Он, как и жена, рассказывал о деревенских делах. Второй, Савва Миттук – малоразговорчивый седой старик, всю жизнь проработавший на заводе в городе, но страсть как любивший разговоры о колхозной работе, посевах, уборке и потому с уважением слушавший Миккаса Чермеша.

– Овсяг все попортил в этом году, – деловито вздохнул Миккас, – мало урожая будет, опять в колхозе передерутся и зарплату не заплатят!

– А я слышал, кто-то из колхоза вышел у вас? – мягко поинтересовался Савва. – Вот молодец мужик, сам решил хозяйство вести, да?

– Есть у нас такой, – с досадой ответил Миккас, – как раз из родни жениха, вон даже как устроился, смотрите, – кивнул он на коренастого мужика с огромными плечами, сидевшего в почетной близости к жениху и невесте. – Григорий Михайлович Микулин его зовут, русский, пришлый. Пару лет назад заявился в колхоз и говорит: дайте мою долю земли, буду сам пахать. Да нет, не думайте, человек он пустой, – добавил он торопливо, видя, как уважительно смотрит Савва на Григория Михайловича, – противный такой, злобный, все только себе, а других за мусор считает. Я с ним даже не здороваюсь, как вижу!

Иначе велись разговоры среди родни жениха. Там центром был пожилой Кашир Кузьма, перебравшийся с крыльца дома, где слишком громко играла музыка, на скамейку за воротами. Возле него столпились и чувашки, и башкиры и говорили наперебой, а он сидел в середине и изредка останавливал или поправлял говорящих.

– А венчаться-то они будут? – спрашивала особенно религиозная чувашка.

– Да куда им венчаться! – перебивали ее несколько голосов. – У невесты же живот, какое венчание!

– У нас бы за такое не свадьбу... – поддержала родню башкирка Гузель Рифкатовна.

– А у них вся родня такая, – не успокаивались чувашки. – Да чего далеко ходить, если бабка у нее жила с четверьмя мужиками и от них родила двух сыновей и двух дочерей.

– Хватит вам чепуху городить, – подскочил вдруг со своей скамейки Кашир Кузьма, – мелете своими языками не пойми чего! А ты, балаболка, иди отсюда, чтоб я тебя не видел, – прикрикнул он на женщину, которая говорила про бабу Варвару.

Когда молодежь стала заметно уставать от танцев, туй араме объявил окончание перерыва и опять пригласил всех на места. Едва затихла музыка, Маша бессильно опустилась на землю, прямо там, где танцевала. На нее сначала смотрели удивленно, будто ожидая, что это розыгрыш, но потом закричали, переполошив всех. Родственники окружили ее, стараясь понять, что произошло. У Маши болела голова, ей казалось, что ноги разбиты в кровь. Она несколько секунд не двигалась, будто не узнавала окружающих, но потом сильно вдохнула и виновато улыбнулась.

– Все хорошо, – постаралась она успокоить родных, – просто устала.

Отец взял ее на руки и отнес обратно к столу, потому что под брезентом было прохладнее, а потом заботливо обнимал за плечи, боясь, что она упадет назад. Мать взволнованно трогала ее лоб.

– Да не волнуйтесь, сваты, – убеждала их Антонина Петровна, – такое бывает, от жары, наверно. Сейчас надышится, придет в себя!

Столпившиеся рядом родственники быстро подхватили, что, конечно, от жары и сейчас все пройдет.

– Выпить тебе надо, жена, – хмельным голосом пошутил жених, – сразу отпустит!

Все засмеялись.

В этот момент отец невесты неожиданно подскочил с места и, схватив жениха за грудь, потащил его на бетонные плиты у ворот.

– Я на этих самых руках ее нес, ты понимаешь? – ожесточенно выговаривал он, глядя в испуганное лицо.

– Да чего ты, батек, чего, все ведь выяснили... я же ее замуж беру... – лепетал Петька.

Родственники и друзья жениха окружили их, но боялись вмешаться, и только Татьяна Аркадьевна бросилась к мужу и отчаянно обняла сзади, пытаясь ослабить его руки. Он же вдруг сам расплакался и головой уперся обидчику в грудь.

– Да ладно, батек, ладно, давай лучше выпьем, – отвечал ему Петька, оглядывая своих, будто ожидая их помощи.

– Выпьем, выпьем, горько, – подхватило несколько голосов.

Тогда из-за стола встал Григорий Михайлович Микулин, оттолкнул Петьку в сторону и, позволив Сергею Викторовичу опереться на себя, проводил за стол. Родня жениха неодобрительно зашептала, потому что он не встал на сторону Пети, но упрекать Микулина вслух никто не решился.

– Рассаживайтесь, – коротко рявкнул тот, не глядя по сторонам. – Я сейчас буду поздравлять молодых.

Гости стали неохотно расходиться по своим местам, и только Татьяна Аркадьевна осталась с Машей. Сергей Викторович сидел рядом, закрыв лицо руками, страшно стесняясь себя. Наконец все действительно успокоились.

Григорий Михайлович степенно подошел к Маше, чтобы убедиться, что она чувствует себя лучше. Потом строго посмотрел вокруг, будто выискивая в толпе тех, кто еще не замолчал, и начал речь.

– Я не буду повторять то, что до меня уже сказали и после меня скажут. Понятно, что я желаю молодым здоровья, счастья и достатка. Но мои главные слова будут для тебя, Маша. Ты новый человек в нашей семье, и ты еще совсем молодая, но тебе надо повзрослеть, – завершил он первую мысль и остановился.

– Наш Петька, он сам по себе ничего не стоит, – продолжал Микулин. – Я своих мыслей ни перед кем не скрываю, я ему это в лицо могу сказать. Ты, Петька, никчемный осел, понял? Тебя нужно кнутами до крови избить, чтобы у тебя хоть немного ума появилось. Поэтому ты, Маша, теперь в семье голова, ты должна рассуждать за обоих.

Маша испуганно смотрела на Микулина, а жених сидел с глупой улыбкой, не зная, смеяться ли словам дяди, как шутке, или же обижаться на него.

– Вам сейчас нужно строить дом, – не обращал внимания на их замешательство Григорий Михайлович, – не вечно ведь вы будете у свекро-

ви жить. Потом будут у вас дети. Их нужно воспитывать, не шалопаями, а настоящими людьми, чтобы крепко стояли на ногах. Потом копить деньги на старость. Чтобы прожив жизнь, ты могла сказать, что жила по совести, ни у кого займы не брала и ни одному лентяю не давала. Мужу верная была, какой бы он ни был. И помирать могу спокойно, никто дурным словом не вспомнит. Поняла меня? Ну, тогда у меня все.

Родня жениха молча переглядывалась, зато родня невесты встретила этот тост громкими хлопками. Григорий Михайлович недовольно оглянулся. Продолжались поздравления и тосты...

Сергей Викторович и Татьяна Аркадьевна сидели рядом с Машей, но потом и их подняла с места бойкая Антонина Петровна и потащила участвовать в конкурсах. Машу же не беспокоили, думая, что ей нездоровится. Только один раз ей принесли украденную туфлю.

Сама Маша не понимала, что происходит вокруг. Она только боялась, что опять начнутся танцы, и нужно будет бегать по острым камням. Вдруг она заметила, как на нее грустно смотрит Григорий Михайлович, и сразу же отвернулась. Ей припомнились обрывки его слов про дом, про деньги, но она не могла связать их воедино. Ей казалось, не будет никакого дома и денег и что после сегодняшнего дня уже вообще ничего не будет.

Подошла разгоряченная Света и обняла Машу за хрупкие плечи. Маша устало улыбнулась. Ей приятно было чувствовать родного человека рядом. Она смотрела на сестру и с тихой радостью слушала ее сбивчивый рассказ о Викторе. Оказывается, Свете нравилось его грубое ухаживание, но она хотела показать, что ее не так просто добиться, и поэтому решила немного посидеть с сестрой. Они обнялись и остались одни посреди этой громкой свадьбы.

– Что, целоваться-то противно? – вдруг усмехнулась Света.

Маша только вздохнула, сильнее прижимаясь к сестре.

– А я тебе так скажу: выпей побольше, помогает, сама знаю! Утром проснешься и ничего помнить не будешь.

– Нет, напиваться не хочется, – тихо ответила Маша.

Они посидели молча. Вокруг звенела музыка. Редкие гости остались за столом, ведя неторопливые разговоры. На противоположном краю появились Петя с Виктором и, налив себе по полной стопке, выпили.

– Скажи, а ты хотела бы себе такого мужа, как у меня? – спросила Маша, осторожно поглядывая на них.

– А почему нет? Слабенький, дурачок, таким командовать знаешь как можно! Было бы где мне разгуляться... Ладно, пойду, – добавила она, видя, что Виктор идет прямо к ним. – Кстати, говорят, кататься поедем но-

чью. Будешь с нами? Да поехали, развлечемся хоть, теперь тебе положено с мужем развлекаться!

– Хорошо, поедем, – сказала Маша, стараясь улыбнуться.

Света и Виктор взяли за руки и поспешили в круг танцующих. Маша огляделась, ожидая, что муж тоже пригласит ее, но тот уже веселился с друзьями...

Сестры Антонины Петровны, Анна и Людмила, прислуживающие гостям, присели отдохнуть и поесть, а когда на одном из столов кончилась водка, свекровь подступилась к невестке и ласково стала подталкивать ее в локоток.

– Давай, Машенька, покажи нашим гостям, какая ты хозяйственная, сходи на кухню, принеси еще несколько бутылок.

Маша согласно закивала и медленно поднялась из-за стола. Боли в ногах не чувствовала, и только монотонно колотило в висках от неосторожных движений.

– Какая у нас невестушка, – тем временем нахваливала ее Антонина Петровна. – Новая хозяйка в доме появилась!

Маша смутилась, а гости одобрительно засмеялись.

На кухне было жарко, и клубился пар от двух огромных котлов с водой, кипящих на плите. Третий же стоял у окна и был доверху наполнен грязными тарелками. Всем распорядилась бабка Степанида. Сама она торопливо доставала тарелки из чана и насухо протирала сбившимся в комок кухонным полотенцем. Узнав, зачем пришла Маша, она качнула головой в сторону пустых бутылок на столе.

– Не готовы! Погуляй пока, – и отвернулась к своим тарелкам.

Маша осталась в сенях, не зная, возвращаться ей назад или подождать здесь. Было темно и неудобно, потому что могли войти из любой двери. Внезапно Маша услышала глухую песню за стеной, песня была протяжная и грустная, и она тянула к себе. На ощупь приоткрыла одну из дверей, и тогда песня поразила Машу своей громкостью и силой. Она попала в летнюю кухню, где на кровати, укрытой половиками, старыми шубами и другой одеждой, сидели усталые женщины.

Все они казались Маше знакомыми, наверное, были из ее родни, но по имени она могла вспомнить только тетю Марине Чермеш. Увидев невесту, они не перестали петь, но глядели на нее с улыбкой и жестами приглашали входить.

– Здравствуй, Машенька, садись к нам, – обратилась к ней спокойная пожилая женщина, когда закончилась песня. – А мы вот тут сидим и старушечьи плачи плачем.

– Ты помнишь своих родственниц-то, это баба Наталья и тетя Юля,

они из Стерлитамака, – представила Маше пожилую женщину и ее дочь тетя Марине.

– Да откуда ей нас помнить, – возразила баба Наталья, – молодые должны жить, а не старух-родственников считать.

Маша села среди женщин. Ей нравилось здесь. Хотелось только, чтобы они опять запели что-нибудь медленное и тревожное, так, чтобы можно было забыться и помечтать о чем-нибудь. Пару раз она с опаской взглянула в окно, не идет ли муж или свекровь, но за окном вразнобой ходили только чужие люди, и не было слышно ни звука.

Тем временем женщины продолжали прерванный разговор.

– Ну, и что потом было? – спросила у бабы Натальи Марине. – Расскажи нам дальше, пусть и Маша послушает.

Баба Наталья улыбнулась.

– Ну что ж, ладно, если так просите, – вздохнула она.

Маша затаила дыхание и принялась слушать.

– После войны мы с сестрой Груней осталась сиротами. Отец погиб, а мама умерла от болезни. Сильно голодали, даже больше, чем во время войны. В деревне мы были пришлыми, поэтому родственников у нас не было. Попросили у колхоза зерна, они отказали, сказали, что из нашей семьи никто не работает. Тогда я уговорила меня взять в колхоз, работала сначала в столовой, а потом и в поле стала выходить. Так и зерно у нас в доме появилось, и картошка. Было мне тогда четырнадцать лет. А когда вышла замуж, переехала к Миттьукам, а Груню увезли к дяде Мукасею в Аллагват. Свекровка меня невлюбила. В первый день после свадьбы послала она меня кизяки делать, и так я все работала у нее. Бывало, гулянка какая-нибудь, сама свекровь пьет, дядя Савелий пьет, а младшую дочь от работы бережет. Иди, говорит, Наташка, на кизяки или в огород. Так я и жила.

Потом переехали мы с Савелием в город, в бараки, там у нас была маленькая комнатка. Стали на заводе работать. А по выходным все равно в деревню, надо ведь маме помочь, маме там тяжело. А мама на мне и ездила. Ох, нехорошо про покойников так говорить... – осеклась она и осторожно перекрестилась.

– Ну, вот, так время и проходило, – продолжала баба Наталья вскорее. – Дядя Савелий пил сильно, не буду скрывать. Сколько я раз его по дворам искала, сколько раз домой тащила, уже и не вспомнить! А тут у меня ребеночек родился, Алешенька. Помню, маленький такой был и почти не кричал. Месяца ему еще не было, а тут у племянника свекровки свадьба, нас позвали. Я говорю, Савва, давай не поедем, а он: нет, нельзя обидеть родню. Вот и поехали с ребенком.

А поехали – это не как сейчас, прямо ко двору на своей машине. Тогда так добирались: на автобусе до Разъезда, а оттуда пешком. Через Ашкадар вброд перебирались. Там мы Алешеньку и застудили.

И вот они на свадьбе гуляют, а я с ребенком дома сижу. Он заболел, лежит, кашляет, я его тряпкой укутаю и к себе прижму. Потом заснул вроде. Я успокоилась, сама немного прикорнула. А просыпаюсь, смотрю, он уже синенький. Выглядываю в окно: никого нет, вся деревня гуляет на другой улице. Села и заплакала: не знаю, что делать. А потом смотрю: Николай Васильевич, помощник председателя, идет по дороге, я кричу ему, а сама плачу, задыхаюсь. Говорю, найдите, где гуляют, скажите Савелию: ребенок у нас умер. И вот скоро пришли и Савва, и братья его. Николай Васильевич тут же распорядился, гробик смастерили. А я смотрю, такой маленький. Спрашиваю, неужели поместится, а он говорит, что поместится...

А свекровка с дочерью только к вечеру вернулись. Я уже тогда успокоилась, ужин сварила. Свекровка говорит мне: давай, Наташ, сегодня похороним, зачем будет в доме стоять. А завтра уже картошку надо окучивать. Я согласилась: так мы и похоронили его.

– А ты говоришь, Марине, хорошо жили, всякое бывало, как у всяких людей, – закончила она и спокойно улыбнулась родственнице.

Стало тихо: было слышно, как бьются мухи в окно. Маша зажмурилась. Ей представились и пустой дом, и мертвый ребенок на столе, а вокруг чужая свадьба, все смеются и кричат проклятое «горько»... Наконец она открыла глаза и увидела, что баба Наталья ласково смотрит на нее.

– А вы часто приезжаете в деревню? – спросила вдруг Маша.

– Нет, куда уж нам, старухам, часто приезжать.

Маша хотела пригласить бабу Наталью заходить в гости, если получится, но не решилась. Женщины опять завели разговор, а она то слушала, то устало наклонялась к тете Марине и тихонько спала у нее на плече.

Вдруг сквозь сон Маша почувствовала движение и громкие голоса. Ее звали сестра Света и кто-то еще. Маша испугано поднялась, выбежала в сени. Торопливо огляделась в темноте, будто собиралась спрятаться. Больше всего ей не хотелось ехать сейчас с мужем и остальными в клуб. Она не знала, что же делать. Из кухни пахло сыростью, с крыльца доносился голос сестры. Тогда Маша нащупала позади ручку двери и потянула на себя. Это был вход в жилую часть дома, она была здесь первый раз.

Сначала Маша оказалась в просторной комнате, напоминавшей зал в городских квартирах. Через два больших окна проникал свет со двора, и мелькали знакомые фигуры. Под ногами лежал огромный шерстяной

ковер, так что Маша сняла обувь, прежде чем наступать на него. Посреди стоял большой диван, но она не решилась остаться прямо в зале, опасаясь, что ее сразу же обнаружат, если войдут в дом. На противоположной стене виднелись две двери, и Маша решила заглянуть туда.

Первая дверь вела в большую, но низкую комнату с одним окошком, занавешенным тяжелыми портьерами. Повсюду стояли шкафы, тумбы, а на каждой стене из-за шкафа виднелся краешек ковра. Маша поняла, что это была комната хозяев, и поспешила выйти, чтобы не задеть чего-нибудь ненароком.

Вторая дверь сильно скрипнула, и ей отозвались хрупкие половицы. Это была маленькая спальня с пустыми стенами; прямо у двери стояли письменный столик и крошечный платяной шкаф; у другой стены раскинулась тахта; над тахтой висела разбитая гитара без струн. В углу виднелась старенькая детская люлька. Маша легла на тахту и хотела уснуть, но смутное беспокойство не покидало ее. Она закрыла глаза и старалась вообразить, как ходит по комнате и рассматривает все вокруг. В шкафу она нашла невероятно красивое платье из тонкого шелка, хотела примерить его, но побоялась помять и потому оставила на вешалке. Потом ее внимание привлекла гитара на стене, старая, потертая, будто ручка рабочей косы или пастушьего кнута. Маша осторожно погладила теплое дерево. Наконец она подошла к люльке и наклонилась над ней, будто ожидая увидеть там настоящего ребенка. Но внутри лежала только большая мертвая кукла. Вдруг она поняла, что эта комната – ее будущая спальня, гитара на стене – ее мужа, а люлька загодя повешена для ее ребенка. Маша раскрыла глаза и подпрыгнула с тахты, не сводя глаз со страшной люльки. Ее охватил страх, будто она оказалась ночью на кладбище, и тогда она побежала прочь, ничего не видя перед собой.

Очнулась Маша, сжимая ручку двери в сени, и сильно заплакала. Она не хотела выходить к людям, но и не хотела возвращаться туда, в маленькую комнату. Маша села на ковер у двери и, опершись на стену, устало запрокинула голову. Тикали на стене часы.